Перманентные кремлевские интриги сказались на здоровье Жданова. В конце 1947 г. он перенес инфаркт миокарда. Слегка оправившись после болезни, он попытался во что бы то ни стало подтвердить свое идеологическое лидерство. Его лебединой песнью стало подготовленное им постановление ЦК «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели», принятое 10 февраля 1948 г. Хотя эта пропагандистская акция и имела широкий общественный резонанс, Сталин не был ею вполне удовлетворен. Да и мог ли он быть довольным, если в условиях нараставшей международной напряженности Советский Союз пока не имел собственного атомного оружия, а в стране «все более активизировались еврейские буржуазные националисты, ориентированные на американцев». В январе 1948 г. министру госбезопасности В.С. Абакумову было дано указание тайно устранить их «главаря» артиста Михоэлса. И в это время человек, которому был доверен идеологический фронт, позволял себе распространяться с налетом снобизма о формализме в музыке, о «проповеди атональности, диссонанса и дисгармонии», увлечении «сумбурными невропатическими сочетаниями».

Вероятно, рассуждая таким образом, Сталин не мог не заметить, что новое ждановское постановление почти дословно воспроизводит тексты партийных решений и правдинских редакционных «подвалов» более чем десятилетней давности. Именно тогда печатались статьи с такими, например, заголовками, как «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь»[30]. Отсюда сам собой напрашивался вывод: одряхлевший идеолог явно мыслит категориями вчерашнего дня и более не в состоянии уловить императива текущего политического момента.

Вскоре последовала закономерная развязка. 1 июля 1948 г. Маленков был восстановлен как секретарь ЦК, а еще через пять дней ему «временно» были переданы вопросы идеологии. Отставленного таким образом Жданова отправили тогда же «по состоянию здоровья» в долговременный отпуск, из которого тот не вернулся, скончавшись 31 августа в санатории на Валдае[31].

Тем временем противостояние между СССР и Западом резко обострилось. В Европе разразился Берлинский кризис (советская блокада Западного Берлина), а на

Ближнем Востоке в соперничестве с Советским Союзом за влияние на вновь образованное государство Израиль верх взяли США. Последнее обстоятельство как бы автоматически превратило советских евреев в глазах Сталина в потенциальную «пятую колонну» американского империализма. Параноидальный страх перед разраставшимся американо-сионистским заговором побудил диктатора поставить крест на ждановском либерализме и пойти на крайние меры. Он приказал Абакумову нанести удар по якобы действующему на территории СССР еврейскому националистическому подполью и одновременно поручил Маленкову начать подготовку в ЦК крупной пропагандистской кампании по разоблачению прозападной интеллектуальной фронды, концентрирующейся, естественно, прежде всего, вокруг антипатриотов с еврейскими фамилиями.

20 ноября был закрыт Еврейский антифашистский комитет, который, как следовало из постановления Политбюро, являлся «центром антисоветской пропаганды и регулярно поставлял антисоветскую информацию органам иностранной разведки»[32]. 3 января 1949 г. ЦК ВКП(б) направил текст этого постановления в обкомы, крайкомы и ЦК союзных республик секретным письмом. Тем самым местное начальство предупреждалось о готовящейся новой охоте на ведьм. О том, кто на сей раз должен был выступить в этой роли, поведала стране «Правда», опубликовавшая 28 января статью под маловыразительным заголовком «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Главный печатный рупор партии и государства подверг разносной критике нескольких критиков-интеллектуалов, известных лишь узкому кругу театрально-писательской общественности столицы. Благодаря такой широкой «рекламе» имена А. Гурвича, И. Юзовского, А. Борщаговского, Я. Варшавского, Л. Малюгина, Г. Бояджиева, Е. Холодова узнала вся страна; они стали символами злокозненных сил, разрушавших монолитность советского патриотизма. Вышедшая на следующий день «Литературная газета» дополнила список членов антипатриотической группы театральных критиков еще одним именем — И. Альтмана, а 31 января газета «Культура и жизнь» вне-

сла полную ясность, поставив в скобках после псевдонима «Холодов» настоящую фамилию — «Меерович».

Этих людей обвиняли в том, что они «утратили свою ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма». Английский журналист А. Верт, который в годы войны был в Москве корреспондентом, писал весной 1949 г.: «В России космополитизм стал теперь философской концепцией и занимает видное место в словаре русской политической литературы наряду с формализмом, буржуазным национализмом, антисоветскими настроениями... гегельянством и преклонением перед Западом»[33].

Инквизиторский дух, пропагандистский масштаб и пафос статьи — все говорило читателю о незримом присутствии за ее строками Сталина. И в этом ощущении, как оказалось, было больше реального, чем мистического. По свидетельству К. Симонова, находившегося в фаворе у диктатора и потому посвященного в некоторые тайны кремлевской политической кухни, инициатива написания статьи исходила непосредственно от Сталина.

Значит, идеологическая артиллерия главного калибра выстрелила отнюдь не по воробьям, как могло показаться на первый взгляд. Дальнейшее развитие событий подтвердило неслучайный характер появления статьи. По сути дела, она послужила сигналом к началу большой чистки государственного и партийного аппарата, охватившей все его звенья — от Политбюро до захолустной провинциальной конторы. Финалом очередной политической лихорадки послужило печально знаменитое «дело врачей».

Отличительной особенностью нового этапа идеологической кампании стало то, что она целенаправленно и энергично сопровождалась интенсивным антисемитизмом, негативный заряд которого накапливался еще со времен войны. Знаменательно, что расправа с «безродными космополитами» сначала в театральной критике, а потом и в других сферах культуры и общественной жизни пришлась на пик борьбы с так называемыми еврейскими буржуазными националистами и проходила на фоне арестов еврейских поэтов и писателей. То были две стороны одной медали. Одна из них являла собой шумную пропа-

гандистскую кампанию, которая бичевала оторвавшихся от родной почвы антипатриотов. Она находилась в центре всеобщего внимания, дабы прикрывать (прежде всего от мировой общественности) вторую сторону — негласную репрессивную акцию по уничтожению носителей еврейской культуры. Скоординированные пропагандистская и полицейская атаки производили в обществе ни с чем не сравнимый психологический эффект устрашения.

Но антисемитизм во всех его проявлениях, тайных и явных, не мог быть чем-то самодовлеющим. Он не первопричина, а скорее индикатор, один из классических признаков ужесточения тоталитарного режима. Исходным же пунктом происходившего в советской империи в конце 40-х годов был вызванный внешними (холодная война) и внутренними (борьба за власть) факторами очередной приступ сталинской паранойи: кремлевскому владыке повсюду мерещилась американо-сионистская опасность.

Идефикс в конечном счете и спровоцировал новый, невиданной силы выброс ура-патриотического угара. А началось все вроде бы с заурядной интриги, одной из многих, что готовились, а потом и разыгрывались в творческих организациях и коридорах власти.

После войны в Москве при Всероссийском театральном обществе активно действовало объединение критиков, в которое входили многие из тех, кого потом «Правда» заклеймила как космополитов и антипатриотов. Председателем этой творческой организации в 1947 г. был избран искусствовед Г.Н. Бояджиев. Объединение, чем-то напоминавшее зарубежные гильдии критиков-профессионалов, имело влиятельных покровителей. Их опекали руководитель комиссии Союза советских писателей по драматургии А.А. Крон (Крейн) и — что было особенно важно — знаменитый писатель К.М. Симонов, который занимал тогда пост заместителя генерального секретаря Союза. В ЦК ВКП(б) патронаж осуществлял заведующий Отделом пропаганды и агитации Д.Т. Шепилов и сотрудники его аппарата, прежде всего заведующий сектором искусств Б.С. Рюриков и его подчиненные В.Н. Прокофьев и Д.С. Писаревский, скорее искусствоведы, нежели аппаратчики-функционеры. В.Н. Прокофьев, например, был театроведом, исследователем творчест-

ва К.С. Станиславского. Шепилову симпатизировал сам Сталин, надеявшийся, что тот восполнит дефицит интеллекта в сфере идеологии, образовавшийся после отстранения Александрова.

Высокое покровительство окрыляло критиков, порождало в них иллюзии широких возможностей и прав на смелые оценки и суждения. Их статьи часто публиковались на страницах престижных и массовых периодических изданий, с редакциями которых они имели давно налаженные связи или были их штатными сотрудниками. Так, критик А.М. Борщаговский 24 ноября 1948 г. опубликовал в газете «Известия» положительную рецензию на постановку театром им. Е. Вахтангова пьесы американского драматурга А. Миллера «Все мои сыновья». Особенно часто и охотно будущих «критиков-антипатриотов» печатали газеты «Культура и жизнь», главным редактором которой был Шепилов, «Известия», «Советское искусство», журналы «Новый мир», «Театр» и др.

Обладая некоторой организационной и творческой автономией, Объединение театральных критиков находилось в известной мере в оппозиции руководству Союза советских писателей (ССП) СССР, который возглавлял А.А. Фадеев. Противостояние усугублялось еще и тем, что, пользуясь слабостями последнего — тщеславием и пристрастием к алкоголю, одну за другой ключевые позиции в Союзе писателей постепенно захватывала группа довольно ловких демагогов, объявлявших себя истинными носителями метода социалистического реализма. В нее входили такие драматурги и писатели, как А.А. Суров (в 1952 г. этот автор пьесы «Порядочные люди» был разоблачен как плагиатор и исключен из ССП), М.С. Бубеннов, А.А. Первенцев, Б.С. Ромашов. Кстати, последний еще в апреле 1946 г. жаловался Маленкову на то, что «увлечение иностранщиной засоряет репертуар советского театра». Он уверял, будто существует предвзятое и пренебрежительное отношение к современной советской драматургии (особенно к «здоровой и острой комедии»), которое свидетельствует об «эстетском настроении» у критиков, об их «мещанском уклоне». В результате через несколько месяцев было принято постановление ЦК «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Оно

как бы подвело черту под первым раундом в разгоравшейся схватке между драматургами и критиками[34].

Негласным лидером среди пишущих пьесы «для народа» считался секретарь правления Союза драматург А.В. Софронов. Он и его единомышленники также имели своих покровителей в партаппарате, а их пьесы с подачи Фадеева нередко отмечались Сталинской премией.

Конфликт между двумя творческими группировками, усугубляемый характерными для любой тоталитарной системы кумовством и клановыми интересами, с каждым днем обострялся. В конце концов настал момент, когда Отдел пропаганды и агитации решил, что следует публично раскритиковать Фадеева за упущения в области драматургии, и, если удастся, сместить его с поста генерального секретаря СП. Он всегда раздражал аппаратных идеологов тем, что не скрывал высокомерного к ним отношения и бравировал своими особыми связями со Сталиным. Как вспоминал впоследствии композитор Т.Н. Хренников, на одном из заседаний Комитета по Сталинским премиям Суслов поставил под сомнение кандидатуру малоизвестного татарского поэта, выдвинутого на присуждение премии Фадеевым. Глава Союза писателей отреагировал мгновенно и довольно резко: «Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение»[35]. Толерантный и предсказуемый Симонов, тоже, кстати, любимец Сталина, значительно больше, чем неуправляемый Фадеев, устраивал Отдел пропаганды и агитации, как, впрочем, и театральных критиков.

Наступление на Фадеева проходило в духе традиционной аппаратной тактики. Для начала якобы проверяя, как выполняется постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», Агитпроп обратился к столичным литераторам за помощью в сборе материалов и подготовке докладной записки в секретариат ЦК. 27 ноября 1948 г. с санкции Шепилова в секторе искусств Отдела пропаганды и агитации состоялось совещание, в котором участвовали театральные критики и журналисты В.Ф. Залесский, Я.Л. Варшавский, Г.Н. Бояджиев, И.Л. Альтман, И.И. Юзовский, А.П. Мацкин, А.М. Борщаговский, Л.А. Малюгин, редактор журнала

«Театр» Г.С. Калашников, драматург А.А. Крон и другие. Они получили задание представить через неделю предложения и материалы по разделам докладной записки о репертуаре театров, их постановочной деятельности и театральной критике[36].

В первой половине декабря в ЦК ВКП(б) состоялось еще несколько подобных совещаний. В итоге проводившие эти встречи сотрудники Агитпропа Рюриков, Прокофьев, Писаревский положили на стол Шепилову проект докладной записки, в которой резкой критике подвергались драматурги Софронов, Вирта, Ромашов и Суров за пьесы «Московский характер», «Хлеб наш насущный», «Великая сила», «Зеленая улица», а МХАТ и Малый театр осуждались за постановку некоторых из них. Но эта записка так и не была пущена в ход.

Наиболее нетерпеливые театральные критики, вдохновленные поддержкой Агитпропа, считали свою победу обеспеченной. Они открыто и резко начали критиковать руководство ССП, в первую очередь Фадеева, за провалы в области драматургии. В конце ноября 1948 г. в Москве под эгидой Всероссийского театрального общества, Комитета по делам искусств и комиссии по драматургии СП проходила творческая конференция, на которой обсуждались спектакли, поставленные московскими театрами к 31-й годовщине Октябрьской революции. Борщаговский, будучи основным докладчиком, говорил о том, что советская драматургия последних лет, за редким исключением, идейно и художественно беспомощна, что театры переживают кризис. Вина за это возлагалась на Софронова, Сурова и других защищаемых Фадеевым драматургов. Докладчика поддержали Л.А. Малюгин и театральные режиссеры Ф.Н. Каверин, А.Д. Попов, И.Н. Берсенев. 4 декабря 1948 г. в «Литературной газете» появился краткий отчет об этой конференции, в котором явно одобрялась позиция критиков, а не их оппонентов — драматургов.

Риторикой дело не ограничилось. Сотрудники Отдела пропаганды и агитации Рюриков и Прокофьев явились во МХАТ и потребовали от его художественного руководителя М.Н. Кедрова приостановить спектакли по пьесе Сурова «Зеленая улица», так как пьеса, по их мнению, нуждалась в доработке[37].

Еще один удар по Фадееву был нанесен 14 декабря 1948 г. Руководство Агитпропа в записке Маленкову обвинило генерального секретаря Союза советских писателей в том, что подчиненное Союзу издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы» книги И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Широко известные книги объявлялись пасквильными, порочащими советскую действительность и государственный аппарат с позиций «буржуазно-интеллигентского высокомерия» и «пошлого зубоскальства». Шепилов и его подчиненные даже подготовили проект постановления ЦК ВКП(б), в котором предлагалось «указать секретариату Союза советских писателей СССР (т. Фадееву) на неудовлетворительный контроль с его стороны за издательской деятельностью Союза советских писателей».

Хотя проект не прошел, Фадеев 26 января 1949 г. был вынужден доложить Маленкову, что для «наведения порядка» в издательстве предложено отстранить от работы его директора Г.А. Ярцева. Одновременно, в расчете на полную реабилитацию в глазах партийного начальства, Фадеев сообщал, что из издательского плана 1949 г. исключены около трех десятков книг, признанных «идейно порочными», в том числе сборник избранных стихотворений С.А. Есенина и сказка Ю.К. Олеши «Три толстяка»[38].

Отражая усилившиеся наскоки противоборствующей стороны, Фадеев начал собирать силы для ответного удара. Ему удалось заручиться поддержкой секретаря ЦК Г.М. Маленкова, Д.Т. Шепилова, секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попова, который покровительствовал драматургу Софронову, редактора «Правды» П.Н. Поспелова. Самое главное заключалось в том, что Фадеев был уверен, что за него вступится Сталин. Последний время от времени любил, опираясь на органы госбезопасности или используя своих фаворитов, приструнить высшее партийно-государственное чиновничество, которое постоянно подозревал в стремлении превратить его, как он выражался, «в факсимиле».

Однако, на «всякий случай», сторонники Фадеева организовали письмо на «высочайшее имя» от некоей Анны Бегичевой, журналистки, работавшей в редакции «Изве-

стий». Выбор автора письма был хорошо продуман. К «вождю народов» обращалась женщина — интеллигент, вышедшая из гущи народной (родилась в крестьянской семье), в прошлом собирательница народных песен на Украине, а теперь «травимая» и «третируемая» эстетствующими критиками-космополитами за свою приверженность народному партийному искусству.

Ее экзальтированное послание-донос, датированное 8 декабря 1948 г., начиналось истеричным и почти паническим обращением: «Товарищ Сталин! В искусстве действуют враги. Жизнью отвечаю за эти слова»[39]. Далее эти «враги» с бескомпромиссной решительностью разоблачались: «Виновники дезориентации театров... группа ведущих критиков, замаскированных космополитов, формалистов, занимающих основные позиции в критике, направляющих мнение недалеких руководителей даже таких газет, как "Советское искусство" и "Известия". Их главари: Юзовский, Мацкин, Гурвич, Альтман, Бояджиев, Варшавский, Борщаговский, Гозенпуд, Малюгин. Эти критики поднимают низкопробные пьесы, пристраивают в театры таких пасквилянтов на нашу действительность, таких ловкачей и дельцов, как Масс, Червинский, братья Тур, Прут, Финн, Ласкин и проч.

Космополиты пробрались в исскуstве всюду. Они заведуют литературными частями театров, преподают в вузах, возглавляют критические объединения: ВТО, Союза писателей, проникли в "Правду"... "Культуру и жизнь"... в "Известия"...

Эта группа крепко сплочена. Скептицизмом, неверием, презрительным отношением к новому они растлевают театральную молодежь и людей недалеких, прививая им эстетские вкусы, чему, кстати, очень помогают пошлые заграничные фильмы, заливающие экраны (низкопоклонничество перед Западом, отрицательное отношение к явлениям нового в нашей жизни).

...Бороться с ними трудно. Они уважаемы и занимают ответственные посты. Людей, осмелившихся выступать против них, подвергают остракизму через своих приверженцев и ставленников во всех нужных местах, создают вокруг протестующих атмосферу презрения, а их принципиальную борьбу расценивают как склочничество.

Вокруг советских партийных пьес сознательно устраиваются заговоры молчания. На спектакли "Великая сила", "Хлеб наш насущный", "Обида", "Московский характер" эти знатоки не рекомендовали писать рецензии, а в газете слушались их "квалифицированных советов".

...Все эти космополиты — деляги не имеют любви к советскому, "мужичьему" (Юзовский о Л. Леонове) искусству. У них нет национальной гордости, нет идей и принципов, ими руководит только стремление в личной карьере и к проведению европо-американских взглядов о том, что советского искусства нет. Эти "тонкие" ценители страшно вредят, тормозят развитие искусства.

...Товарищ Сталин! Личных интересов я уже не имею. Мне 50 лет. Жизнь прожита. Даже мое богатырское здоровье больше не выдерживает той борьбы, которую честно веду с врагами в искусстве всю свою сознательную жизнь. Лично я ничего не достигла, потому что меня хоть и считали везде талантливой, но отовсюду изгоняли за нетерпимый характер.

Иголкой копаю колодезь, но тем радостнее бывает, когда вдруг брызнет из него животворная вода, если Ваше око направляется в ту сторону.

Пьесы Ромашова "Великая сила", Сурова — "Обида", Софронова — "Московский характер", Леонова — "Ленушка" считаю достижением в драматургии, созданием новых путей в советском народном искусстве. За них боролась открыто, зная, что за мною стоит человек, в чистое ленинское учение которого я верую и исповедую всем сердцем и умом. Это и давало мне убеждение в моей правоте и силу в борьбе. Как я радуюсь, что не ошиблась»[40].

О том, что данное письмо носило провокационный характер, свидетельствует тот факт, что еще в феврале 1948 г. Бегичева направила донос в МГБ СССР об «антипатриотической» деятельности «эстетствующих» критиков Альтмана, Варшавского, Юзовского и других. Карательных действий тогда не последовало, но будущие «космополиты» были взяты властями на заметку[41]. (Характерно и то, что такой же сценарий был разыгран в январе 1953 г., когда органы госбезопасности использовали письмо врача Л.Ф. Тимашук, «простой женщины-патриотки, обвинявшей кремлевских врачей во вредительстве и заговоре».)

Тем временем приближалось 18 декабря, день открытия XII пленума Союза советских писателей. По решению Политбюро, подписанному Сталиным 16 ноября 1948 г., пленум должен был состояться 15 декабря, и то, что его открытие перенесли на три дня позже намеченного срока, еще одно свидетельство хитросплетений и накала интриг в высших политических сферах того времени. К предстоявшему событию Фадеев, его сторонники и покровители готовились особенно тщательно, втайне отрабатывая план генерального сражения, которое они намеревались дать критикам-космополитам. И наконец этот решающий день настал. Несмотря на возражения Агитпропа, требовавшего отложить пленум на более поздний срок и не одобрившего доклад руководства ССП, пленум открылся. С основным докладом, игнорируя запрет Агитпропа, выступил Софронов. В 1947 г. он возглавил парторганизацию Союза, а в апреле 1948 г. сменил на посту секретаря правления ССП будущего «космополита» Л.М. Субоцкого. Держался Софронов самоуверенно, даже с некоторым вызовом, не сомневаясь в поддержке сверху. Однако дальше общих фраз и личных выпадов в адрес театроведов, критиковавших его пьесы, все же не пошел.

Взявший после него слово Фадеев был настроен более решительно. Он обвинил театральных критиков в идеологическом вредительстве, которое выражалось в том, что они «в первую очередь стремятся подбить ноги советским драматургам, отражающим новое в советской жизни»[42]. Эти агрессивные выступления задали тон шумной дискуссии. Пленум завершился принятием резолюции, осуждавшей группу театральных критиков за дискредитацию советской партийной драматургии.

Возмущенное неповиновением в подведомственной сфере, руководство Агитпропа растерялось и в первые дни после пленума не смогло трезво разобраться в происшедшем, а тем более понять, что скрывается и кто стоит за вызывающим поведением Фадеева и его сторонников. Шепилов запретил «Литературной газете» печатать резолюцию пленума. Перед самым выходом номера газеты «Советское искусство» был снят сверстанный материал с докладом Софронова и речью Фадеева на пленуме, а вместо них появился лишь краткий отчет. Когда же редакция

газеты обратилась в Отдел пропаганды за разъяснениями, как освещать итоги состоявшегося пленума ССП, то получила уклончивый ответ: «Союз советских писателей — творческая организация и его решения для газеты "Советское искусство" не обязательны, у нее должна быть своя линия»[43].

Гром грянул после того, как «Литературная газета» напечатала 22 декабря изложение речи Фадеева на пленуме, а «Правда» 23 декабря — статью Софронова «За дальнейший подъем советской драматургии». В центральном органе партии утверждалось, что в «театральной критике продолжают подвизаться формалисты и безродные космополиты». До Шепилова и его сотрудников начал доходить истинный смысл ситуации. Они обратились к некоторым театральным критикам с просьбой направить Сталину письмо о том, что Фадеев и его окружение обманывают партию. Однако подавленные и напуганные, критики наотрез отказались, и только Борщаговского удалось уговорить предпринять ответные меры. Правда, он не отважился обратиться к Сталину, а написал Шепилову. Симонов, который летом 1946 г. предложил Борщаговскому войти в редколлегию журнала «Новый мир», принял участие в редактировании письма. Но все оказалось напрасным: Агитпроп и театральные критики потерпели поражение. Последовавшие вскоре события заставили всех убедиться в этом.

Ретроспективно оценивая обстановку, сложившуюся тогда в высших эшелонах власти, следует подчеркнуть оперативность Сталина, который искусно уловил момент и сбросил маску лицемерной непричастности к происходившему. Явным признаком надвигавшейся грозы стало подписание им 20 января 1949 г. решения Политбюро «О прекращении издания англоязычной газеты "Москоу ньюс"». Эта газета, воспринимавшаяся номенклатурными ура-патриотами как некий осколок западного либерализма и рассадник космополитических идей, уже давно дышала на ладан. Редактор газеты М.М. Бородин (Грузенберг), случайно встретив в конце 1948 г. члена Еврейского антифашистского комитета И.С. Юзефовича, заявил ему, как бы предчувствуя свой скорый арест: «Мы с вами, Иосиф Сигизмундович, отрезанные ломти...» Так и про-

изошло. 21 марта 1949 г. Бородина взяли под стражу. Поскольку в 1923–1927 гг. он служил в Китае советником от правительства СССР при Гоминьдане, ему вменили в вину предательство интересов китайской революции.

Но это была лишь часть мнимых преступлений Бородина, которые он в заявлении, написанном в тюрьме 24 марта 1950 г., решительно отвергал: «...Мне инкриминировали преступления, которые я никогда не совершал, как-то: вражеская деятельность, в том числе шпионаж в пользу Америки и Англии. После моих чистосердечных признаний, что это абсолютно ни на чем не основано, меня увезли в Лефортово и там подвергли моральной и физической пытке, площадной брани, избиению дубинкой по разным частям тела... несмотря на мой возраст (65 лет тогда) и мои болезни. ...Я был уверен, что долго не выдержу этой пытки и что смерть неминуема и неизбежна, и стал давать несуразные показания, не сознавая, что делаю...». Здоровье старого человека стало быстро ухудшаться, и вскоре Бородин умер, не дожив до конца следствия[44].

Нелегкая судьба выпала и на долю его сослуживцев. 5 января 1948 г. Шепилов настоятельно рекомендовал Жданову закрыть издание, обосновывая это, в частности, тем, что «национальный состав работников редакции характеризуется следующими данными: русских — 1 человек, армян — 1 человек, евреев — 23 человека и прочих — 3 человека»[45]. 12 июля Жданов после долгих колебаний подписал проект соответствующего решения Политбюро, но потом заболел и уехал в санаторий «Валдай». Обсуждение вопроса было отложено.

Прошло полгода, и теперь Сталин сам одобрил этот плод аппаратной казуистики, похоронивший еще один печатный орган на том лишь фальшивом основании, что он якобы «плохо ведется и не имеет широкого распространения». Судя по всему, Шепилов, вновь представляя на Политбюро этот не первой свежести проект, хотел продемонстрировать Сталину свои верноподданнические чувства и вымолить у него прощение за неосмотрительные заигрывания с театральными критиками.

Руководителю Агитпропа, этому баловню судьбы, лихо вскарабкавшемуся на идеологический Олимп партии, было что терять и кого опасаться. Ведь незадолго до подписания постановления о «Москоу ньюс» он был у Сталина и осторожно упомянул о жалобах театральных критиков на гонения со стороны руководства Союза советских писателей. Сталин резко и раздраженно ответил: «Типичная антипатриотическая атака на члена ЦК товарища Фадеева»[46]. Оказывается, накануне Сталин принял секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) Попова, имевшего репутацию грубого солдафона и крайнего шовиниста. Докладывая вождю о положении дел в столице, тот (как бы между прочим) обмолвился, что Фадеева-де при поддержке Агитпропа затравили космополитствующие критики и он из-за своей скромности не может обратиться к товарищу Сталину за помощью[47].

Окрик вождя подействовал на Шепилова отрезвляюще. Но запоздалое прозрение породило панику. И если нападать он и его сторонники предпочитали сообща, то спасаться стали в одиночку, причем любой ценой.

23 января 1949 г. Шепилов и его заместитель А.Н. Кузнецов направили Маленкову докладную записку, в которой не только отмежевывались от своих вчерашних протеже, но и обрушивались на них с серьезными обвинениями. Зная, что в это время шли массовые аресты еврейской интеллигенции, они намекнули на «актуальную» в этой связи деталь — национальное происхождение большинства критиков: «ЦК ВКП(б) в ряде документов и указаний подчеркивал серьезное неблагополучие в области литературной критики. Факты показывают, что особенно неблагополучно обстоит дело в театральной критике. Здесь сложилась антипатриотическая буржуазно-эстетская группа, деятельность которой наносит серьезный вред делу развития советского театра и драматургии. Эта группа, в состав которой входят критики И. Юзовский, А. Гурвич, Л. Малюгин, И. Альтман, А. Борщаговский, Г. Бояджиев и др., заняла монопольное положение, задавая тон в ряде органов печати и таких организациях, как Всероссийское театральное общество и комиссия по драматургии Союза советских писателей.

...Указанная группа критиков сумела проникнуть на страницы центральных газет. Так, А. Борщаговский и Л. Малюгин печатались в "Правде", Ю. Юзовский, Г. Бояджиев, А. Борщаговский — в газете "Культура и жизнь", А. Мацкин, Л. Малюгин, А. Борщаговский — в "Известиях" и т. д.

...О положении во Всероссийском театральном обществе в сентябре 1948 г. Отдел пропаганды и агитации докладывал ЦК ВКП(б); было принято решение о смене руководства обществом. В указанном обществе сложилась затхлая, гнилая обстановка, способствующая проявлению антиобщественных, буржуазно-эстетских настроений. Вместо борьбы с проявлениями формализма и безыдейности в театральном искусстве, руководство общества примиренчески относилось к этим чуждым влияниям.

...В декабре 1948 г. проходили перевыборы бюро секции критиков ВТО. Перевыборное собрание прошло под знаком засилья указанной группы, которая почти целиком вошла в избранное бюро секции критиков... Из девяти избранных оказался лишь один русский. Следует отметить, что национальный состав секции критиков ВТО крайне неудовлетворителен: только 15 % членов секции — русские.

Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) дал указание Комитету по делам искусств при Совете Министров РСФСР и новому руководству ВТО отменить указанные выборы и рекомендовал сосредоточить работу с театральными критиками в Союзе советских писателей.

Эстетствующие критики окопались в газете "Советское искусство" и журнале "Театр". Редактор газеты "Советское искусство" В. Вдовиченко и член редколлегии, руководящий освещением вопросов драматургии и театра, Л. Малюгин предоставили страницы газеты критикам типа Бояджиева, Борщаговского, Мацкина и других. Штатные сотрудники газеты Я. Варшавский и К. Рудницкий выступали в газете под тремя-четырьмя псевдонимами, не давая печататься молодым авторам...»[48].

К записке прилагался агитпроповский проект постановления ЦК ВКП(б), который, естественно, был отклонен.

24 января 1949 г. под председательством Маленкова, отвечавшего с лета 1948 г. за идеологию, состоялось заседание Оргбюро ЦК, на котором с благословения Сталина было решено развернуть широкомасштабную пропагандистскую кампанию против безродного космополитизма и антипатриотических сил. Атака на театральных критиков тщательно готовилась как первый большой шаг к общесоюзной тотальной чистке политических, административных и общественных структур — от Политбюро до заводоуправлений. Вместе с тем эта ура-патриотическая шумиха в средствах массовой информации служила своеобразным прикрытием разворачиваемых в то время партийно-полицейских акций — так называемого ленинградского дела и дела Еврейского антифашистского комитета.

Сигналом к началу пропагандистской кампании должна была послужить публикация передовой статьи в «Правде», проект которой и был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). Первоначально статья, написанная В.М. Кожевниковым, А.А. Фадеевым, К.М. Симоновым, А.В. Софроновым под надзором редактора «Правды» П.Н. Поспелова, имела заголовок «Последыши буржуазного эстетства»[49]. По свидетельству Борщаговского, непосредственными авторами статьи были Фадеев и поднаторевший на искоренении «идеологической ереси» сотрудник «Правды» Д. Заславский[50]. Однако «перестроившийся» Отдел пропаганды и агитации счел нужным доработать текст, после чего статья была отредактирована Сталиным и опубликована; от прежнего названия сохранился лишь подзаголовок «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Отдельным пунктом в повестке дня Оргбюро, проходившего 24 января, стоял вопрос о судьбе театральных критиков и тех, кто их поддерживал в аппарате ЦК. С первыми было все ясно: они подлежали немедленному увольнению с работы, а члены ВКП(б) лишались и партийных билетов. Что касается вторых, то тут перед Шепиловым встала дилемма: либо он возьмет на себя всю полноту ответственности за попустительство фрондирующим критикам и уйдет в отставку, либо найдет виноватых среди подчиненных, изгонит их, а обновленный аппарат мобилизует на решительную борьбу с космополитизмом. Глава Агитпропа выбрал второе. В конце января—марте 1949 г. «за покровительство антипатриотической группе театральных критиков» из Отдела пропаганды и агитации были уволены консультант И.В. Сергиевский[51], заведующий сектором искусств Рюриков (отправлен в распоряжение Горьковского обкома)[52], его заместитель Прокофьев (направлен в распоряжение Свердловского обкома)[53] и т. д.

Предварительно Шепилов поместил в редактируемой им газете «Культура и жизнь» статью под красноречивым названием «На чуждых позициях (о происках антипатриотической группы театральных критиков)»[54]. Эта статья наряду с передовой в «Правде» от 28 января сыграла роль партийной установки в развертывании новой охоты на ведьм, на сей раз в облике «критиков-антипатриотов».

Испытания, ниспосланные по воле диктатора, каждый воспринимал по-своему. Маленков, услышав на одном из заседаний Оргбюро упоминание фамилии критика Борщаговского, закричал: «Не подпускать на пушечный выстрел к святому делу советской печати!»[55]. После этого молодой критик по совету своего покровителя Симонова перестал ходить на встречи и собрания, дабы на время скрыться от «глаз общественности». Но власти о нем не забыли. 31 января 1949 г. решением секретариата ЦК он был выведен из состава редколлегии, освобожден от работы в редакции журнала «Новый мир» и уволен из Центрального театра Красной Армии, где работал заведующим литературной частью[56].

Аналогичная участь постигла и критика Малюгина: решением той же инстанции 16 февраля он был освобожден от обязанностей члена редколлегии газеты «Советское искусство»[57]. Больше других пострадал Альтман. Он был членом партии с 1920 г., т. е. считался старым большевиком, но ему «напомнили», что до этого он кратковременно пребывал в рядах левых эсеров. В итоге фанатично преданный идее социализма человек, которого коллеги и друзья почтительно называли «наш пламенный Иоганн», подвергся унизительным гонениям. В июне 1947 г. Г.Ф. Александров добился исключения его из редколлегии журнала «Знамя». В передовой статье «Правды» Альтман не был упомянут. (Фадеев, по-видимому, какое-то время колебался, стоит ли приносить в жертву Альтмана, с которым долгие годы, еще со времен первой пятилетки находился в дружеских отношениях, однако уже на следующий день «Литературная газета», подчиняясь диктату Софронова, исправила «оплошность» и заклеймила Альтмана как отъявленного космополита. Вскоре его обвинили в связях с «сионистскими заговорщиками», исключили из партии. Но Альтман не покаялся.

В сложившейся ситуации осенью 1949 г. Фадеев начал добиваться исключения Альтмана из Союза писателей. В записке от 22 сентября на имя Сталина, Маленкова, Суслова, Попова и Шкирятова литературный генсек докладывал: «Следует дополнительно проверить факты тесного общения Альтмана с буржуазно-еврейскими националистами в еврейском театре и в Московской секции еврейских писателей, поскольку тесная связь Альтмана с этими кругами широко известна в литературной среде. Тов. Корнейчук А.Е. (автор критиковавшейся "космополитами" пьесы "В степях Украины" и др. — *Г. К.*) информировал меня о том, что Альтман частным путем, пользуясь своим знакомством и связями в кругу видных деятелей литературы и искусства, распространял абонементы Еврейского театра, то есть активно поддерживал этот искусственный метод помощи театру путем "частной благотворительности", а не путем улучшения его репертуара и качества исполнения спектакля»[58].

Для характеристики Фадеева уместно заметить, что именно по его настоянию в 1947 г. Альтман был назначен заведующим литературной частью Московского еврейского театра. Весной 1948 г. Еврейский театр лишили дотации и он, как и другие театры, для поддержания своего финансового положения, выпустил абонементы. Распространение этих абонементов не считалось чем-то предосудительным или тем более преступным.

Но Фадеева это не остановило. Спасая самого себя, он добился того, что 9 сентября 1950 г. Альтмана исключили из Союза писателей. Лишившись последней опоры и профессиональной защиты, строптивый критик 5 марта 1953 г. был арестован и препровожден на Лубянку «за подрывную работу в области театрального искусства». Правда, 29 мая 1953 г. его выпустили. Через некоторое время он написал историко-патриотический роман «Русский флаг». Однако сказались груз незаслуженных обид и пережитого: в 1955 г. он умер от болезни сердца.

Альтман единственным из московских театральных критиков был исключен из Союза писателей и арестован. Возникает вопрос, почему повальным арестам, расстрелам и различным репрессиям подверглись главным образом те, кто представляли еврейскую национальную лите-

ратуру, искусство, общественные организации? Ведь по отношению к другим «безродным космополитам» в основном были применены административные меры (увольнение с работы, исключение из партии и т. п.) и лишь иногда они попадали в застенки МГБ. Причины такого различия, на наш взгляд, кроются в том, что первых квалифицировали как буржуазных националистов, априори рассматривали как уже состоявшихся или потенциальных западных агентов, ведущих сепаратистскую и другую подрывную деятельность против правительства СССР. Иначе говоря, они почти автоматически попадали в разряд политических преступников, а иногда даже и изменников родины и подлежали суровому наказанию, вплоть до физического уничтожения.

Сферой же деятельности другой части «космополитов» считалась не столько политика, сколько идеология. Представителей этого направления не обвиняли в посягательствах на устои советского государства. Их преследовали за то, что они своей проповедью «национального нигилизма», прежде всего по отношению к русскому народу, и «низкопоклонством» перед Западом помогают империалистам навязывать всему миру англо-саксонскую культуру. Этот термин чуть позднее заменили другим — «американский культурный империализм», а его пропагандистам поставили в вину стремление осуществить глобальную американизацию человечества. С целью нейтрализовать «космополитов» — проводников американского влияния в советском обществе их изгоняли из идеологической сферы, если МГБ не предъявляло им более веских обвинений.

В таком делении советской интеллигенции на так называемых еврейских буржуазных националистов и на безродных космополитов проявилось феноменальное лицемерие и коварство сталинского режима. Если одних он уничтожал за их приверженность национально-религиозной идее, традициям, родной культуре, языку, то других, большей частью ассимилированных евреев, преследовал за обратное — за стремление отказаться от своей национальной принадлежности, за призыв к растворению «в мировом всечеловеческом единстве народов», квалифицируя это как проповедь космополитизма.

Суть этой политики была ясна: сталинизм нуждался не только в реализации принципа «разделяй и властвуй», но и в имперском поглощении малочисленных народов более крупными (а не в сближении и слиянии всех наций).

Тяжелые времена настали тогда и для писателя Б.Л. Горбатова: МГБ арестовало его жену популярную киноактрису Т.К. Окуневскую, обвиненную в шпионаже и интимных отношениях с югославским послом. Будучи евреем, Горбатов решил отказаться от выдвижения своей кандидатуры в члены партбюро Союза советских писателей. Партийным лидером ССП был избран ставленник Софронова поэт Н.М. Грибачев — автор поэмы «Колхоз "Большевик"». Не желая участвовать в разборе персональных дел «антипатриотов», Горбатов почти на полгода уехал из Москвы, что послужило поводом для обвинения: оказывается, он «нигде, ни разу, ни единым словом не определил своего отношения к борьбе с критиками-космополитами, что давало последним считать его своим человеком»[59].

Как всегда, были и исключения. Так, критик Я.Л. Варшавский, сотрудник газеты «Советское искусство», чтобы сохранить членство в партии и работу, стал «литературным негром» члена редколлегии этой газеты лауреата Сталинской премии Сурова. С помощью шантажа последний заставлял Варшавского писать за себя все, начиная от личных писем и кончая пьесами. В феврале 1949 г. Варшавский подготовил для своего патрона записку, призванную «объективно оценить» положение дел в театральной критике. «Существует ли в природе антипатриотическая группа критиков — как группа, как целое?» — риторически вопрошал автор и отвечал: «Группа как целое существовала при ВТО, в форме объединения театральных критиков. ВТО финансировало Юзовского и Гурвича, которые годами бездельничали, не имея возможности высказывать свои взгляды в печати. Долгое время председателем объединения был Юзовский, потом — Бояджиев... Г. Бояджиев, как лидер объединения, конфиденциально предложил критикам собираться ежемесячно, по первым числам, в кабинете ресторана "Арагви" для разговора "по душам". Смысл этих сборищ — только "маститых", по строгому отбору, без "молодежи", безусловно заключался в том, чтобы сколотить касту театральных критиков — по-

дальше от взоров общественности, для консолидации критиков, не желающих подчиняться "господствующим" мнениям. Это должна была быть своего рода фронда, противопоставляющая себя "официальной" точке зрения на события театральной жизни. Я был на первом таком сборище, где председательствовал И. Альтман»[60].

Очень скоро этот донос попал к Шепилову, а через него — к Маленкову. В сопроводительном письме Шепилов сообщал: «Представляю также на Ваше (Маленкова. — *Г. К.*) рассмотрение письмо Я. Варшавского т. Сурову, в котором, в частности, сообщается важный факт о том, что антипатриотическая группа критиков пыталась организационно особо оформиться (возможно и оформилась) на идейной платформе, глубоко враждебной нашим советским порядкам... Об особых сборищах антипатриотической группы в "Арагви" я сообщил т. Абакумову»[61].

Опираясь на такие аргументы, ничего не стоило расправиться с критиками-«антипатриотами», на этот раз как с заговорщиками. И такая расправа состоялась 9—10 февраля на закрытом партийном собрании Союза советских писателей. С основным докладом выступил Софронов, задавший прениям откровенно черносотенный характер. Следует подчеркнуть, что Софронов, Суров и их единомышленники особенно акцентировали внимание присутствовавших на национальной принадлежности большинства критиков, объявленных космополитами, зная, что это сыграло отнюдь не последнюю роль в развязывании Сталиным кампании против «безродных космополитов» в критике. Выступая в те же дни в издательстве «Искусство», Суров подчеркивал: «Корни космополитизма следует искать в буржуазном национализме. Именно на этой почве произрастали такие двурушники и предатели, как Юзовский, Гурвич и им подобные. Этим презренным выродкам не должно быть места в наших рядах»[62].

«Пятый пункт» анкеты стал ключевым в дальнейшем развертывании кампании. Вскоре на собрании в Союзе писателей помимо театральных обвинили еще и целый ряд литературных критиков и литературоведов, евреев по национальности: Л.М. Субоцкого, Ф.М. Левина, Д.С. Данина, Б.В. Яковлева, А.М. Лейтеса, А.И. Эрлиха и других[63]. Умело спланированная кампания разрасталась.

В феврале 1949 г. в ЦК ВКП(б) поступило коллективное письмо от группы работников Ленинградского Института литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В нем сообщалось о разоблачении антипатриотической группы литературоведов и филологов, которая якобы тайно существовала в стенах научного учреждения в течение 12 лет. В числе активных членов этой группы, захватившей, как утверждалось, до 80 % мест в ученом совете института, назывались такие известные ученые, как Б.М. Эйхенбаум, В.М. Жирмунский, М.К. Азадовский, Г.А. Бялый, Г.А. Гуковский и другие. Они обвинялись в формализме, пропаганде компаративистских теорий А.Н. Веселовского, а заодно и в том, что скрывают свою действительную национальность и пишут в анкетах «русский».

Здесь уместно отметить, что А.Н. Веселовский жил, работал и умер в дореволюционное время (1838—1906); в течение 25 лет возглавлял кафедру западноевропейских литератур Петербургского университета. Будучи приверженцем сравнительно-исторического литературоведения, он изучал русскую литературу в контексте славянской, византийской, западноевропейской литератур и мирового фольклора. В 1948 г. по решению ЦК ВКП(б) прошла дискуссия о творчестве Веселовского. Ученый был заклеймен как родоначальник «компаративизма» — формалистско-космополитического направления в отечественном литературоведении. Вскоре после этой дискуссии Г.А. Гуковский был изгнан из Пушкинского дома и Ленинградского университета, потом арестован; реабилитирован посмертно.

Основными покровителями «космополитов-формалистов» в доносе, который поступил в ЦК ВКП(б), назывались академик П.И. Лебедев-Полянский, руководивший институтом до 1948 г., и исполнявший обязанности директора после его смерти Л.А. Плоткин.

Первый, оказывается, был «ослеплен лестью и подхалимством», в то время как второй вершил всеми делами в институте, создавая режим наибольшего благоприятствования для деятельной группы, «спаянной долголетними семейно-приятельскими отношениями, взаимным покровительством, однородным (еврейским) национальным составом и антипатриотическими (антирусскими) тенденциями».

В длинном перечне инкриминировавшихся «космополитам» деяний самым «чудовищным» оказалось то, что они добились переименования Института русской литературы в Институт литературы. При этом, однако, не упоминалось, что название изменилось по постановлению общего собрания Академии наук СССР в 1935 г., когда в институте была организована секция западноевропейской литературы[64].

Стенания борцов с «чужеродным засильем» были услышаны, и по указанию ЦК ВКП(б) институту вскоре было возвращено прежнее наименование. Произошло это буднично и незаметно, в том числе, наверное, и для инициаторов интриги: они были заняты главным, ради чего, собственно, все это и затевалось, — выбиванием повышенных окладов и устройством на руководящие должности, ставшими во множестве вакантными вследствие развернувшейся тогда кадровой чистки.

Несколько позже нечто подобное произошло и в Московском институте мировой литературы им. Горького АН СССР. В январе 1948 г. его директором был назначен А.М. Еголин, работавший ранее заместителем Александрова по Агитпропу. На этом посту он сменил ученика А.Н. Веселовского академика В.Ф. Шишмарева, обвиненного Фадеевым в «компаративизме» и низкопоклонстве перед Западом (институт выпустил тогда первый том «идейно порочной» «Истории американской литературы», один из авторов которой А.И. Старцев затем был арестован). Весной 1949 г. Еголин принял меры к «оздоровлению» коллектива, уволив В.Я. Кирпотина, Т.Л. Мотылеву, Б.В. Яковлева, И.И. Юзовского и других известных литературоведов, причисленных к космополитам[65]. Оставшегося в институте профессора Б.А. Бялика заставили каяться, признать порочной собственную статью «Горький и Маяковский», в которой, в частности, утверждалось, что «лучший талантливейший поэт советской эпохи» (именно так назвал Маяковского Сталин) использовал мотивы творчества одного из еврейских поэтов.

Антиинтеллектуальная и антисемитская истерия, набирая обороты, день ото дня ширилась, захватывая все новые имена, регионы и сферы творческой деятельности. 10 февраля в «Правде» президент Академии художеств СССР А.М. Герасимов обличал в антипатриотической ереси критиков-искусствоведов А.М. Эфроса,

А.Г. Ромма, О.М. Бескина, И.Л. Мацу, Д.Е. Аркина и других. 11 февраля газета «Культура и жизнь» рассказала, как идет разоблачение космополитов в Ленинграде. В опубликованной там статье ответственный секретарь ленинградского отделения Союза писателей А.Г. Дементьев, драматург Б.Ф. Чирсков и М.А. Шувалова приводили многочисленные факты «антипатриотической деятельности» ленинградских критиков С.Д. Дрейдена, И.И. Шнейдермана, И.Б. Березарка, С.Л. Цимбала, театроведа М.О. Янковского. Все они осуждались за то, что в своих статьях и выступлениях проводили линию Юзовского и Гурвича.

В то же время председатель оргкомитета Союза советских композиторов Т.Н. Хренников обрушился с нападками на музыковедов Д.В. Житомирского, Л.А. Мазеля, С.И. Шлифтштейна, А.С. Оголевца, И.Ф. Бэлзу, М.С. Пекелиса, профессора Ленинградской консерватории С.Л. Гинзбурга[66]. Проработав в течение 43 лет руководителем Союза советских композиторов, Хренников в 1990 г. с горечью писал, что его поведение в период «кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом и космополитизмом» было во многом вынужденным. Несмотря на его возражения, Агитпроп ЦК, и в первую очередь Суслов и Шепилов, настойчиво «рекомендовали» ему очистить Союз от музыкантов-евреев. При этом они ссылались на хлынувшие потоком, словно по команде, подметные письма, содержавшие угрозы разделаться с Хренниковым за покровительство, которое он якобы оказывает евреям.

Для молодого главы творческой организации это было непосильным испытанием. Оказавшись между молотом Агитпропа и наковальней юдофобствовавшей «музыкальной общественности», он тяжело заболел. Но, несмотря на истощение нервной системы, он продолжал участвовать в антисемитской кампании. Может быть, именно это спасло многих музыкантов, объявленных космополитами: Союз композиторов относительно меньше пострадал во время идеологических чисток конца 40-х годов — лишь единицы музыкантов были исключены из Союза композиторов или арестованы[67].

Не менее примечательно и то, что Хренников не раз принимал на работу в Союз тех, кто были изгнаны из других организаций. Так было, например, с М.А. Гринбергом,

которого 28 февраля 1949 г. уволили с должности начальника управления музыкального радиовещания Всесоюзного радиокомитета. Если верить сохранившемуся документу, Гринберг и два его сотрудника «пытались организованно опорочить и отвергнуть критику ошибочных передач и тем самым встали на непартийный путь противодействия разоблачению проявлений буржуазного космополитизма и низкопоклонства в радиовещании»[68]. Хренников, к счастью, не поверил; более того, не побоялся принять решение, смелое по тем временам.

В целом же начало 1949 г. проходило под знаком разнузданной критики и безответственных обвинений в адрес, как правило, работников высокой квалификации, главный «недостаток» которых заключался в «пятом пункте» их анкеты. Чем иным можно было объяснить, например, обвинение в антипатриотизме литературоведа Г.А. Бровмана? Будучи крупным специалистом, он заведовал творческой кафедрой в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Его проступок, оказывается, состоял в том, что он пригласил в качестве преподавателей своих единомышленников критиков Левина и Субоцкого, а также поэта П.Г. Антокольского. Все они, пройдя идеологическое судилище, подверглись остракизму. Пострадали также студенты Г. Поженян, К. Левин и некоторые другие.

Еще 14 августа 1948 г., «за распространение слухов антисоветского содержания» по постановлению Особого совещания из Москвы выслали в будущем известного поэта, а тогда студента третьего курса Н.М. Коржавина (Манделя). Для Субоцкого то была логическая развязка застарелого конфликта, начавшегося в апреле 1948 г., когда он был снят с должностей секретаря правления ССП и заместителя секретаря партийной организации Союза «за склоку, обвинения печатных органов Союза в рапповских методах критики» и «охаивание литературных произведений под прикрытием демагогического лозунга борьбы с так называемым «квасным патриотизмом»[69].

Отрешение Субоцкого от руководства Союзом писателей проходило при активном участии аппарата ЦК, куда стекались многочисленные доносы о том, что в ССП образовался «хор Субоцкого», объединивший литераторов «исключительно нерусской национальности». Чтобы

ликвидировать «еврейское засилье», новым секретарем правления ССП 21 апреля 1948 г. был назначен А. Софронов[70]. Это еще раз доказывает, что кампания борьбы с критиками-«космополитами» начала созревать в недрах аппарата задолго до января 1949 г.

Лавину статей породил призыв «Разгромить буржуазных космополитов в киноискусстве!». Перемежаемые отборной руганью, замелькали имена ведущих кинокритиков, кинорежиссеров и других деятелей кино: Л.З. Трауберг, Г.М. Козинцев, Е.И. Габрилович, М.Ю. Блейман, Н.А. Коварский, Г.А. Авенариус, Н.Д. Оттен, Н.М. Тарабукин и другие известные работники, лица одной национальности.

Охота на космополитов раскалывала общество, делила архитекторов, философов, историков, журналистов, работников государственных учреждений, промышленных предприятий и общественных организаций, преподавателей и студентов, коммунистов, комсомольцев, беспартийных на «загонщиков» и «загоняемых», т. е. вполне целенаправленно противопоставляла их друг другу. В итоге кампания стала всеохватывающей.

Однако не будем утомлять читателей перечислением имен всех, кто подверглись гонениям. Воистину имя им легион. Возвратимся к стержневой теме повествования — театральным критикам — и посмотрим, чем закончилось партийное собрание, проходившее 9—10 февраля 1949 г. в Союзе советских писателей.

Партийное собрание единогласно приняло решение, в котором было заявлено, что оно полностью присоединяется к редакционным статьям газет «Правда» и «Культура и жизнь». Одновременно партийному бюро ССП поручалось «рассмотреть вопрос о партийности» Альтмана, Субоцкого, Левина и Данина. Все они в скором времени были исключены из партии. Такая же участь постигла и Борщаговского, который стоял на партийном учете в Центральном театре Красной Армии.

Многие были поставлены перед необходимостью сделать свой решающий выбор. Чтобы сохранить работу, положение в обществе, материальный достаток, а иногда и жизнь, приходилось, как правило, чем-то, иногда весьма существенным, жертвовать. Одни мечтали поделить власть и привилегии в Союзе советских писателей, другие

стремились выслужиться перед победителями в аппаратных сражениях, помогая доносами топить побежденных, лишь бы самим остаться на плаву.

Такую линию поведения выбрал главный редактор газеты «Советское искусство» В.Г. Вдовиченко. Прошедший суровую школу аппаратной выучки, он вначале беспрекословно выполнял все указания Отдела пропаганды и агитации, воспринимая их как установки высшей партийной инстанции. Когда же его начальника Шепилова стали обвинять в покровительстве театральным критикам и тот по отработанной схеме попытался перевести гнев высшего руководства на своих подчиненных, в том числе и на Вдовиченко (даже подготовил проект постановления о его увольнении), редактор «Советского искусства» понял, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. 12 февраля он направил Маленкову пространную записку, в которой с размахом изобразил деятельность гонимых критиков в виде широко разветвленного сионистского заговора.

Это «документально» подтверждалось приложенным списком с 83 фамилиями театральных критиков, причем всех одной национальности. Чтобы в сионистском характере заговора не возникало никаких сомнений, в списке отсутствовала фамилия даже официально объявленного космополитом русского Леонида Малюгина[71]. Значительное место в доносе занимало перечисление прегрешений Симонова, который, как намекал Вдовиченко, неслучайно оказался в еврейском окружении. Правда, юдофоб-редактор не сразу подошел к этой деликатной теме. Он начал издалека: «На XII пленуме ССП К. Симонов по совершенно непонятным причинам не выразил своего отношения к обсуждаемым вопросам драматургии и критики и не поддержал Фадеева. Во время ответственного партийного собрания, которое проходило в течение 2-х дней в Союзе советских писателей, созванное с целью разгрома антипатриотической группы критиков и ее охвостья, К. Симонов не нашел ничего лучшего, как уехать в Ленинград. И это в то время, когда отсутствовал т. Фадеев, заместителем которого является Симонов и на обязанности которого лежала ответственность за проведение линии ЦК ВКП(б) по разгрому антипатриотической группы.

Положение фактически спас т. Софронов, взявший на себя всю ответственность за проведение собрания и принятие соответствующих решений.

...Следует обратить внимание на состав редколлегии и аппарат редакции "Нового мира". (С осени 1946 г. по март 1950 г. К.М. Симонов возглавлял редколлегию журнала "Новый мир". — *Г. К.*) Вопросы советского искусства решал Борщаговский, заместителем Симонова является Кривицкий, в редакции работают на ответственных участках Лейтес, Хольцман, Кедрина и ряд других людей без рода и племени. Личные друзья Симонова: Эренбург (юбилей которого устроил Симонов, протащив этот вопрос контрабандным способом через президиум ССП), Дыховичный, Раскин, Ласкин, Слободской и другие. К. Симонов всячески поддерживает космополитов. Он с пеной у рта защищал порочные пьесы Галича и Исаева "Вас вызывает Таймыр", Масса и Червинского "О друзьях-товарищах"»[72].

Мы намеренно столь пространно процитировали донос Вдовиченко не только потому, что он типичен для общего потока подобных писем и заявлений (кстати сказать, нередко анонимных). В данном случае автором являлся опытный аппаратчик, представитель номенклатуры высокого ранга. Он уже перед войной занимал пост начальника Главреперткома и хорошо знал и кадровую политику партии, и повседневные взаимоотношения широкого круга работников культуры; был осведомлен о прямых контактах многих из них с руководителями ВКП(б) и государства.

Наивно полагать, будто автор доноса писал его в спешке, а тем более без предварительных консультаций. Тем примечательнее выглядит перечень упоминаемых Вдовиченко «безродных космополитов», их покровителей. Имя Эренбурга называется не случайно: известнейший писатель и публицист также подвергся гонениям. Его перестали печатать, родные и знакомые опасались не только навещать его, но и звонить ему по телефону. Многие из ретивых организаторов и проводников кампании против критиков-«антипатриотов» жаждали его крови. Шепилов, периодически направлявший Маленкову обзоры откликов общественности «на разоблачение антипатриотической группы театральных критиков», в один из них вклю-

чил информацию о проходившей в те дни третьей сессии Академии художеств СССР и выступлении ее президента А.М. Герасимова: «Отдавая должное заслугам Ильи Эренбурга, его боевой публицистике в годы войны, — говорит т. Герасимов, — не могу пройти мимо тех гнусностей, которые он позволил себе говорить о Репине, о русской живописи вообще. Где же были тогда наши критики? Раздался ли в ответ их крик негодования?». И далее уже от себя Шепилов добавил: «Тов. Герасимов указал на недопустимость той пропаганды творчества Пикассо, которую систематически ведет Эренбург»[73].

Не дожидаясь, казалось бы, предрешенного ареста, Эренбург написал Сталину письмо, в котором просил внести ясность относительно своей дальнейшей судьбы. Как и следовало ожидать, Сталин не дал в обиду одного из талантливейших специалистов по идеологической обработке Запада. Эренбургу вновь начали заказывать статьи, и, как по команде, сразу же угомонились его недоброжелатели. А в апреле 1949 г. писателя послали на Конгресс сторонников мира в Париж[74].

Вдовиченко попал впросак и в оценке деятельности редактора «Нового мира». Инвективы недоброжелателей серьезно встревожили Симонова. Понимая, что над ним нависла опасность, он пошел на спасительную ложь, направив 15 февраля записку Шепилову. В ней заместитель Фадеева по ССП отвергал высказываемые в свой адрес обвинения в поддержке «антипатриотической» группы театральных критиков, в частности «клеветнические и провокационные» слухи о редактировании им письма Борщаговского в ЦК ВКП(б)[75].

Чтобы окончательно развеять все сомнения властей, Симонов, вопреки обыкновению, выступил 18 февраля 1949 г. с погромным докладом на собрании драматургов и критиков Москвы. Творчество критиков, объявленных космополитами, он назвал не только «вредоносной деятельностью», но и «преступной работой», «враждебной советской драматургии». Желая перещеголять ретивых конкурентов, как и он входивших в руководство ССП, Симонов энергично обличал космополитизм как глобальное явление: «Нельзя, говоря о космополитизме, ограничивать его вредоносную деятельность только сферой искусства или науки, нужно прежде

всего рассмотреть, что такое космополитизм политически. Пропаганда буржуазного космополитизма выгодна сейчас мировой реакции, поджигателям новой войны. Космополитизм в политике империалистов — это стремление ослабить патриотическое чувство независимости сразу во многих странах, обессилить, связать народы этих стран и выдать их с головой американским монополиям. Космополитизм в искусстве — это стремление подорвать национальные корни, национальную гордость, потому что людей с подрезанными корнями легче сдвинуть с места и продать в рабство американскому империализму»[76].

Симонов теперь не сомневался в том, что Париж (т. е. весьма завидное положение при сталинском дворе) стоит мессы. Под напором суровой прозы жизни исчез романтический идеализм преданности своим единомышленникам по литературному цеху, а вместе с ним и последние колебания. На собрании творческих работников кинематографии он уже вовсю распекал «буржуазных космополитов и эстетов» от кино за то, что они «проповедовали... позорную теорию о том, что якобы духовным прародителем советского киноискусства является американская кинематография, которая начала с декаданса и кончила Ку-Клукс-Кланом»[77].

28 марта Симонов вместе с Софроновым подписал письмо Сталину и Маленкову, в котором руководство партии уведомлялось, что «в связи с разоблачением одной антипатриотической группы театральных критиков, секретариат Союза советских писателей ставит вопрос об исключении из рядов Союза писателей критиков-антипатриотов: Юзовского И.И., Гурвича А.С., Борщаговского А.М., Альтмана И.Л., Малюгина Л.А., Бояджиева Г.Н., Субоцкого Л.М., Левина Ф.М., Бровмана Г.А., как не соответствующих п. 2 устава Союза советских писателей...»[78]. Как в случае с еврейскими театрами, партийное руководство и на сей раз предпочло «умыть руки»: решение вопроса об исключении критиков-«антипатриотов» оно перепоручило самому Союзу писателей, который, как уже отмечалось, вывел из членов Союза только Альтмана.

В мемуарах «Глазами человека моего поколения», опубликованных в 1989 г., Симонов почти не касается событий начала 1949 г., сетуя на то, что у него под рукой не

было дневниковых записей. Однако, желая задним числом как-то оправдать себя за участие по преимуществу в антиеврейской расправе с так называемыми космополитами, он отмечает: «Проблемы ассимиляции или неассимиляции евреев, которые просто-напросто не существовали в нашем юношеском быту, в школе, в институте до войны, эти проблемы начали существовать. Евреи стали делиться на тех, кто считает свою постепенную ассимиляцию в социалистическом обществе закономерной, и на тех, кто не считает этого и сопротивляется ей. В этих послевоенных катаклизмах, кроме нагло проявляющегося антисемитизма, появился и скрытый, но упорный ответный еврейский национализм, который иногда в некоторых разговорах квалифицировался как своего рода национализм в области подбора кадров, — все это наличествовало и в жизни, и в сознании»[79].

Но это написано ровно через 30 лет. А в 1949 г. кремлевское начальство могло быть вполне довольным: вчерашний либерал и романтик Симонов и погромный ура-патриот Софронов вместе, плечом к плечу сражались на идеологическом фронте, исполняя волю партии.

В упомянутых мемуарах Симонов пожелал отмежеваться от Фадеева и Софронова, в особенности от последнего. Он так охарактеризовал «разделение труда» между Фадеевым и Софроновым в развертывании кампании против «безродных космополитов»: «В истории с критиками-антипатриотами, начало которой, не предвидя ужаснувших его потом последствий, положил он сам, Фадеев, я был человеком, с самого начала не разделявшим фадеевского ожесточения против этих критиков. Из Софронова, оценив его недюжинную энергию, но не разобравшись нисколько в сути этого человека, Фадеев сделал поначалу послушного подручного, при первой же возможности превратившегося во вполне самостоятельного литературного палача». Аналогичного мнения придерживался и драматург Н.Ф. Погодин в своем так называемом агентурном донесении 9 июля 1949 г., о котором В.С. Абакумов доложил Сталину: «У всех создалось впечатление, что Фадеев верит только Софронову. Симонов после того, как Софронов на собрании назвал его пособником космополитов, почти не вмешивается в эти дела. Фадеев же почти не бы-

вает в Союзе... Ведь все мы знаем, что Фадеева надо беречь и ни в коем случае не приглашать его выпить... У нас, старых писателей, создается впечатление, что Софронов в нужный момент просто спаивает Фадеева».

Достигнув пика и желаемого ее устроителями результата, шумная антикосмополитическая кампания в печати и других средствах пропаганды постепенно пошла на убыль. Сталину стало ясно, что она выполнила свое основное предназначение: с ее помощью был порожден новый этап большой послевоенной чистки, которая из области литературы и искусства распространилась и на другие общественные сферы, став в итоге всеобъемлющей. Идеологическая артподготовка дала мощный импульс повседневной работе отделов кадров и других бюрократических структур, которые незаметно в тиши кабинетов достигали нужного властям эффекта отнюдь не хуже, чем мастера крикливых газетных передовиц.

Более того, отпала необходимость в пропагандистском прикрытии акции МГБ, направленной на выполнение сталинского задания: ликвидировать «пятую колонну» сионизма в СССР. К апрелю 1949 г. с еврейской культурой в стране в основном было покончено; все ее видные представители находились в заточении. Ассимилированное же еврейство было так напугано и морально подавлено, что не только не мечтало о национальном возрождении, но и не сопротивлялось алчному чиновничеству, начавшему повсеместно вытеснять неугодных им лиц с престижных служебных должностей. Фадеев и его сторонники в руководстве Союза писателей также готовы были сменить гнев на милость — их конкуренты были повержены, и они могли торжествовать победу. 10 апреля 1949 г. в «Правде» появилось сообщение о присвоении Сталинской премии первой степени за 1948 г. Софронову за пьесу «Московский характер» и Первенцеву за роман «Честь смолоду».

Итак, рука высшей номенклатуры легла на идеологический стоп-кран. Выполняя волю вождя, Суслов, Шепилов, Поспелов, Ильичев давали указания и рекомендации о прекращении воинственных и чрезмерно крикливых публикаций в газетах. Одновременно они избавлялись от наиболее ретивых исполнителей типа Вдовиченко, стремившихся к легальной пропаганде антисемитизма. Ведь,

несмотря ни на что, сталинский режим не мог пойти на компрометацию своего большевистско-интернационалистического имиджа, опасаясь к тому же за международную репутацию СССР. 30 марта 1949 г. Шепилов писал Маленкову: «Тов. Вдовиченко не проявляет большевистской принципиальности и партийности в вопросах советского искусства. Он шарахается из одной крайности в другую. До недавнего времени т. Вдовиченко всячески привлекал в газете критиков-антипатриотов, широко рекламируя их. После того как была разоблачена антипатриотическая группа в театральной критике, т. Вдовиченко поднял в газете "Советское искусство" крикливую шумиху, пытаясь изобразить дело так, что космополиты проникли повсюду...»[80]. Незадачливый редактор явно перестарался. 7 апреля он был снят со своего поста и отправлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б).

Последняя передовая статья «Правды», посвященная деятельности «антипатриотической» группы театральных и литературных критиков, появилась в номере от 10 апреля 1949 г. Статья как бы подводила итог по существу страшной, впрочем, как и закономерной, кампании, умиротворяюще констатируя, что в ней «нашла свое выражение забота партии о правильном, здоровом развитии советской литературы и искусства по пути социалистического реализма».

Но идеологические атаки на буржуазный космополитизм как оружие американской экспансии продолжались, охватывая все большие сферы духовной жизни страны. Среди обществоведов первыми это почувствовали историки[81]. 3—4 марта в Академии общественных наук (АОН) при ЦК ВКП(б) прошло общее партсобрание, на котором с докладом «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте» выступил заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ф.М. Головенченко. Он призвал к решительному искоренению антипатриотической крамолы в стенах академии, и этот клич стал лейтмотивом прений, определивших имена будущих жертв. В течение 1949—1950 гг. АОН и Высшую партийную школу (ВПШ) были вынуждены покинуть академик И.И. Минц, доктора исторических наук профессора Л.И. Зубок и И.С. Звавич.

Это был предрешенный финал, к которому они шли с памятного не только для них закрытого партсобрания исторического факультета МГУ 17 марта 1949 г. С докладом на нем выступал проректор МГУ профессор А.Л. Сидоров, который возглавил кафедру истории СССР на истфаке после смещения Минца. Он подверг Минца и преподавателей той же кафедры Е.Н. Городецкого и И.М. Разгона резкой критике, назвав их деятельность «наиболее ярким проявлением антипатриотизма на историческом факультете». Поскольку Минц заведовал сектором истории советского общества в Институте истории АН СССР, являлся заместителем академика-секретаря отделения истории и философии АН СССР, членом редколлегии журнала «Вопросы истории», ответственным секретарем главной редакции многотомной «Истории гражданской войны в СССР» и занимал ряд других должностей, его также обвинили в стремлении установить монополию в исторической науке.

В научном плане «группу» Минца упрекали в принижении роли русского народа и его авангарда — русского рабочего класса в отечественной истории. Особо отмечали срыв задания ЦК партии по подготовке многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Соответствующий компромат собирало Управление пропаганды и агитации ЦК, которое материалы препарировало и докладывало их Сталину и Маленкову. В ходе сбора и обработки такого рода информации (этим занимались Д.Т. Шепилов и Ю.А. Жданов, возглавлявший сектор науки в Агитпропе) появились, например, данные о том, что из 28 научных сотрудников секретариата редакции «История гражданской войны в СССР» русских — 8 человек, евреев — 14, немцев — 1, украинцев — 1 человек и т. д. Таким образом, возник повод для придирок, что и требовалось Сталину, который был недоволен статьей Минца «Ленин и развитие советской исторической науки», опубликованной в первом номере журнала «Вопросы истории» за 1949 г. Академик, совершенно проигнорировав сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», утверждал, что начало изучению советского периода отечественной истории положили его ближайшие соратники и ученики Городецкий, Генкина, Разгон и другие. Такое пренебрежение к вкладу

вождя в историческую науку не могло остаться безнаказанным. Недовольство Сталина было столь велико, что Городецкого не смог защитить и А.А. Жданов, у которого Городецкий был одно время заместителем в Агитпропе.

4 апреля 1949 г. вышло постановление Политбюро, которым Сталин нанес решающий удар по «школке» Минца: распустил старый состав редакционной коллегии журнала «Вопросы истории», в который, кроме Минца, входили А.М. Панкратова и другие историки-марксисты, тяготевшие к коммунистической догматике ленинского типа. Был утвержден новый состав во главе с выходцем из среды старой московской профессуры директором Института истории материальной культуры А.Д. Удальцовым. Вскоре, однако, он ушел с должности главного редактора по болезни. Вместо него был назначен П.Н. Третьяков, специалист по истории Древней Руси, до этого работавший в Агитпропе. В том же году редколлегию «укрепили», включив в ее состав зятя Молотова А.Д. Никонова, специалиста по новейшей истории, в 1941 – 1946 гг. служившего в НКВД и в контрразведке «Смерш». Панкратова, наученная горьким опытом полемики с историками-великодержавниками, действовала в духе конформизма. В 1952 г. вышла написанная ею в популярной форме книга «Великий русский народ». Сталину книга понравилась, и на XIX съезде партии он включил Панкратову в состав ЦК КПСС.

Иначе сложилась судьба других ученых, подвергшихся неправедной критике. В числе главных «виновников», «искажавших» отечественную историю «в угоду Западу», оказались многие опытные преподаватели и исследователи, широко известные в СССР и за рубежом. В полной мере испытал на себе гнев распаленной властями общественности профессор МГУ Н.Л. Рубинштейн: его учебник «Русская историография» запретили. Профессор был изгнан из университета, а в марте 1949 г. был вынужден покинуть пост научного руководителя Государственного исторического музея.

По вполне понятным причинам наиболее изощренной моральной порке подверглась еврейская профессура, занимавшаяся англо-американской новой и новейшей историей. Особенно яростно нападали на профессора Л.И. Зубока. Его неординарная биография вызывала подозрение и раздражение у обличителей космополитизма. При царившей тогда ксенофобии казалось невероятным, как он, родившийся на Украине, с 1913 по 1924 г. живший и работавший в США, будучи членом сначала социалистической, а затем коммунистической партии, теперь преподает в советском вузе.

Его обстоятельная монография «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. 1900 – 1939» (М; Л., 1948) превратилась в объект огульной критики. Утверждалось, что якобы в ней Зубок с чрезмерной симпатией оценивал государственную деятельность президента Ф. Рузвельта и «затушевывал» экспансионистский колониальный характер его внешнеполитической доктрины «доброго соседа», провозглашенной в 1933 г. Ученого, в частности, упрекали за то, что в монографии и в своих статьях он характеризовал государственного секретаря США Ч. Хьюза как поборника независимости Мексики, тогда как Сталин назвал его «висельник Юз». Лишившись работы в университете, а потом и совсем оказавшись не у дел, Зубок жил в ожидании ареста. Но самого худшего не произошло. Согласно семейному преданию, беду отвратило заступничество Светланы Сталиной, которая в то время училась у профессора на историческом факультете. Но скорее всего Зубока спасли товарищи по совместной работе в Профинтерне: на допросах они решительно отрицали его какую-либо вовлеченность в «антисоветскую деятельность».

По такому же сценарию расправились и с профессором И.С. Звавичем. Брошюра Звавича «Лейбористская партия Англии, ее программа и политика» (М., 1947) была запрещена главлитом из-за «социал-реформистской» позиции автора, «не разоблачившего английский лейборизм как прямую агентуру черчиллевского империализма». Изгнанный отовсюду, лишенный средств к существованию, Звавич покинул Москву и переехал в Ташкент, где преподавал в Среднеазиатском университете.

Через три года очередь дошла до историка и дипломата Б.Е. Штейна, который так же, как Зубок и Звавич, преподавал в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). В конце 1951 г. издательство Академии наук СССР выпу-

стило его книгу «Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939)». В апреле 1952 г. в журнале «Большевик» появилась разгромная рецензия, в которой утверждалось, что эта работа «пронизана духом лженаучного объективизма». Ругательная статья, надо полагать, появилась отнюдь не случайно. В марте 1952 г. Штейна, чуть ли не последнего из евреев, работавших в МИД СССР, уволили. Предлогом послужило и то обстоятельство, что с апреля 1918 г. по январь 1919 г. он состоял в партии меньшевиков. 18 сентября 1952 г. по предложению нового ректора АОН Д.И. Надточеева секретариат ЦК освободил Штейна от работы в партийной академии; он был исключен из партии и лишился последнего места работы в Высшей дипломатической школе МИД СССР, где преподавал в течение 13 лет.

Навешивая на одних ученых ярлыки космополитов и подвергая их остракизму, организаторы шовинистической истерии не забывали и о тех, кто не порывали знакомства с коллегами, ставшими вдруг социально неприкасаемыми, или недостаточно усердно, лишь ради проформы, критиковали их на собраниях. Наряду с евреями к этой категории сочувствующих причислялись представители вымиравшей элиты дореволюционной русской профессуры и ее последователи. Их при всяком удобном случае распекали за связь с «антипатриотами» и заставляли каяться. В МГУ так поступили в отношении заведующего кафедрой германиста А.С. Ерусалимского, профессора Р.Ю. Виппера, читавшего «идеалистический» курс по истории христианства, специалиста по истории средневековой Англии, профессора Е.А. Косминского, перенесшего осенью 1949 г. в результате нараставшей травли инфаркт, и других.

Даже академик Е.В. Тарле, трижды награжденный в 40-х годах Сталинской премией, не был застрахован от нападок. Его имя, наряду с именами таких его коллег, как Н.Л. Рубинштейн, О.Л. Вайнштейн, З.К. Эггерт, Л.И. Зубок, В.И. Лан, склонялось в постановлении секретариата ЦК от 19 ноября 1949 г. о недостатках в работе Института истории АН СССР. В 1951 г. с подачи Суслова в журнале «Большевик» (№ 15) появилась статья С. Кожухова, в которой критиковалась «антипатриотическая» оценка роли

М.И. Кутузова в войне 1812 г., данная Тарле в книге «Нашествие Наполеона на Россию», причем книга была опубликована еще в 1938 г.

Казалось, неминуемо повторится то, что произошло в конце января 1931 г. Тогда Тарле вместе с другими видными историками был арестован и обвинен в том, что, являясь членом мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», пытался организовать иностранную интервенцию и свергнуть советскую власть. Он якобы мнил себя в будущем «буржуазном» правительстве министром иностранных дел, «вступал в сношения» с французским премьер-министром Р. Пуанкаре, папой римским Пием XI... Подобными откровениями изобиловало «дело» Тарле, закончившееся в августе 1931 г. его высылкой в Казахстан.

С тех пор прошло 20 лет, и ученый вновь оказался на пороге тяжелых испытаний. Однако на сей раз все обошлось благополучно. Сталин защитил академика, позволив парировать вздорную критику, — Тарле опубликовал ответную статью в журнале «Большевик» (1951, № 17).

Энтузиазм очищения исторической науки от «скверны космополитизма» не признавал ведомственных перегородок. Одновременно с гражданскими в кампании участвовали и военные историки. С 17 по 21 марта 1949 г. в Военно-политической академии им. В.И. Ленина проводилось расширенное заседание ученого совета, в ходе которого, помимо прочего, в самых решительных выражениях была осуждена книга начальника кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР профессора Г.А. Деборина, сына академика А.М. Деборина (Иоффе). Сталин еще в 1931 г. заклеймил его как «меньшевиствующего идеалиста». Книга Г.А. Деборина «Международные отношения в годы Великой Отечественной войны», вышедшая в 1947 г., послужила лишь формальным поводом для расправы с ученым, который представлял немногочисленную прослойку еврейства в советской военной среде. О профессоре Г.А. Деборине с солдафонской прямотой было сказано, что он выступил «как апологет американского империализма». Но столь категоричное обвинение не вывело полковника из равновесия. За плечами ученого стояла служба в годы войны в советском посольстве

в Лондоне, где он тесно сотрудничал с органами госбезопасности и потому знал, как следовало действовать.

24 марта Деборин направил в политотдел академии донос, в котором обвинил профессоров И.С. Звавича, Л.И. Зубока, Б.Е. Штейна, А.А. Трояновского, Н.Л. Рубинштейна и других в том, что они своим космополитическим влиянием толкнули его на путь ошибок. Но больше всех «навредил» ему бывший посол в Англии академик И.М. Майский (Ляховецкий), который был рецензентом-консультантом злополучной книги. Именно он «распинался о необходимости максимальной объективности и тщательности в характеристике США и Англии», что, в конечном итоге, по мнению Деборина, способствовало обелению в его книге «злейших врагов Советского Союза и всего передового человечества», к которым он причислил и Ф. Рузвельта.

Это был не первый выпад Деборина против высокопоставленного дипломата, который когда-то был его шефом. В 1948 г. он сообщал в МГБ, что Майский «действовал в пользу империалистических интересов Англии». Незадолго до смерти Сталина Майский был арестован и в мае 1955 г. предстал перед военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в измене родине. Деборин выступал на процессе как свидетель. С обличительным пафосом он заявил: «...Близость к Черчиллю, чья связь с Интеллидженс сервис общеизвестна, недостойна советского гражданина».

Такая атмосфера царила в те годы повсеместно, что негативно отражалось на духовной жизни советского общества. На исходе XX в. борьба с космополитизмом воспринимается, конечно, иначе, чем на рубеже 40–50-х годов. Но мы и знаем несравненно больше. Кампания, начинавшаяся травлей Клюевой и Роскина, казалось, достигла в 1949 г. апогея. Но именно в ту пору без всякой огласки разыгралась трагедия, вошедшая в историю как «ленинградское дело». Одновременно Кремль участвовал в организации политических процессов против «врагов народа», которыми были объявлены многие лидеры и политические деятели братских компартий стран Восточной Европы. (Кстати сказать, при подготовке этих процессов в ход были пущены обвинения в сионизме.)

Несколько позже вождь санкционировал арест врачей. Он отдалил от себя ряд давних и верных соратников – Молотова, Микояна и других. Теперь уже нет сомнений в том, что готовилось устранение Берии. Все это очень напоминает криминальную политику Сталина конца 30-х годов.

С учетом этих обстоятельств и следует, на наш взгляд, анализировать организованную сверху борьбу с низкопоклонством перед Западом и космополитизмом: это был не эпизод в жизни страны, а составная часть зловещего замысла, который преследовал далеко шедшие цели вождя и вовсе не должен был завершиться «делом врачей». Март 1953 г. внес коррективы в дальнейший ход событий.

Г.В. Костырченко

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: В 2 т. М., 1990. С. 276.
2 *Федотов Г.П.* Тяжба по России. Париж, 1982. С. 182.
3 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 581. Л. 16.
4 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 451.
5 *Ильин И.А.* Наши задачи: Статьи 1948 – 1954 гг. Париж, 1956. Т. 1. С. 149.
6 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 123. Л. 21 – 24.
7 Там же. Д. 136. Л. 123 – 124.
8 Там же. Д. 122. Л. 28.
9 Там же. Л. 33.
10 Большевик. 1946. № 15. С. 12.
11 Литературный фронт. История политической цензуры. 1932 – 1946: Сб. документов. М., 1994. С. 53, 215 – 221.
12 РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 30. Л. 23 – 30.
13 *Берлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах // Звезда. 1990. № 2. С. 147 – 148, 153.
14 Следственное дело Берлина Л.Б. // Центральный архив ФСБ РФ.
15 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 129 – 133.
16 Там же. Оп. 3. Д. 1059. Л. 95 – 97.
17 Там же. Оп. 118. Д. 808. Л. 58.
18 Вопросы истории. 1990. № 4. С. 62.
19 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 598. Л. 123.

20 *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело «КР» (Из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 2. С. 58.
21 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 80, 83, 89.
22 Кентавр... С. 59.
23 Большевик. 1946. № 17—18. С. 1—3.
24 Правда. 1946. 28 окт.
25 Родина. 1992. № 8—9. С. 55.
26 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 695. Л. 159.
27 Кентавр... С. 63, 64.
28 Источник. 1994. № 6. С. 69; Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135.
29 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1670. Л. 99.
30 Большевик. 1948. № 3. С. 11. Правда. 1936. 27 янв., 6 февр.
31 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 24, 25.
32 Там же. Оп. 162. Д. 39. Л. 140.
33 Manchester Guardian. 1949. 25 Apr.
34 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 637. Л. 60.
35 Как это было. Тихон Хренников о времени и о себе. М., 1994. С. 178.
36 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 9.
37 Там же. Д. 337. Л. 9—10.
38 Там же. Оп. 118. Д. 557. Л. 143—158.
39 Там же. Оп. 132. Д. 337. Л. 75.
40 Там же. Л. 77—80.
41 Там же. Оп. 118. Д. 6. Л. 86—88.
42 *Борщаговский А.М.* Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 54.
43 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 13, 27—28.
44 Документ Центрального архива ФСБ РФ.
45 РЦХИДНИ. Оп. 118. Д. 290. Л. 22; Д. 35. Л. 39—46.
46 *Борщаговский А.М.* Указ. соч. С. 55—56.
47 Там же. С. 68—69.
48 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 237. Л. 50—53; 54—56.
49 Там же. Оп. 118. Д. 315. Л. 98.
50 *Борщаговский А.М.* Указ. соч. С. 74.
51 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 325. Л. 231, 232.
52 Там же. Д. 331. Л. 82, 83; Д. 343. Л. 45, 46.
53 Там же. Оп. 116. Д. 412. Л. 12; Д. 343. Л. 45.
54 Культура и жизнь. 1949. 31 янв.
55 *Борщаговский А.М.* Указ. соч. С. 69.
56 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 412. Л. 13.
57 Там же. Оп. 118. Д. 310. Л. 62—64.
58 Там же. Оп. 132. Д. 229. Л. 34.
59 Там же. Оп. 118. Д. 714. Л. 136.
60 Там же. Оп. 132. Д. 229. Л. 13.
61 Там же. Л. 8.

62 Вечерняя Москва. 1949. 19 февр.
63 Правда. 1949. 11 февр.
64 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 408. Л. 1—4.
65 Там же. Д. 784. Л. 15—20.
66 Культура и жизнь. 1949. 11 февр., 10 марта; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 16444. Л. 23—24.
67 Советская культура. 1990. 7 апр.
68 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 418. Л. 210—214; Д. 229. Л. 44.
69 Там же. Оп. 118. Д. 39; Л. 158—163.
70 Там же. Д. 227. Л. 52, 56; Оп. 132. Д. 25.
71 Там же. Оп. 132. Д. 237. Л. 13—15; 25.
72 Там же.
73 Там же. Оп. 132. Д. 237. Л. 3.
74 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Собр. соч. в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 572—574.
75 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 229. Л. 17—23.
76 Правда. 1949. 28 февр.
77 Там же. 4 марта.
78 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 237. Л. 25.
79 Знамя. 1988. № 4. С. 73.
80 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 353. Л. 116.
81 См. подробнее: *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. М., 1995. С. 273—276.